

ПРОБЛЕМЫ ВОЦЕРКОВЛЕНИЯ

Петр (Мещеринов), игум.

Введение

Вот уже скоро 20 лет, как Русская Церковь получила свободу, в связи с чем в неё вошло большое количество людей. Многие связали с Церковью всю свою жизнь, стали священниками, монахами, церковнослужителями. В конце 80-х и начале 90-х годов прошлого века это воспринималось как чудо, вызывало эйфорию, восторг по поводу возрождения Церкви. Но вот прошло полтора десятилетия. С внешней точки зрения Церковь действительно возродилась – восстановлены и построены вновь храмы и монастыри, Церковь стала активным и значимым участником общественных процессов. Если же взглянуть на прошедшие годы под другим углом, картина будет не столь радужна. Главное для Церкви – не храмовые здания, не почётное её положение в государстве, а люди, православные христиане, их полноценная церковная, духовная, христианская жизнь. И здесь мы сталкиваемся с большими проблемами. Вошедшие в Церковь в конце 80-х – начале 90-х гг. люди часто констатируют на исповедях и в частных беседах всё более и более явно проявляющуюся "неудачу" в своём христианстве... как будто что-то в нём "не сработало". Начинали мы все чтением св. Отцов, постничеством, некоторые бросали учёбу, работу, всецело посвящая себя духовному подвигу... и вот – 10 – 15 лет – и наступило некое разочарование, "усталость" от Церкви; многое в ней стало для нас рутиной, тяжкой обузой, на подвиги нет сил, а главное – не видно плода наших усилий. **Я пришёл для того, чтобы имели жизнь, и имели с избытком** (Ин. 10, 10), говорит Господь; но где она, эта жизнь? Многие из нас, православных христиан, не видят в себе этой жизни; не обретя её, некоторые ушли из Церкви. Почему же так?

Апостол Павел пишет: **мы сделались причастниками Христу, если только начатую жизнь твердо сохраним до конца** (Евр. 3, 14). Судя по всему, современные православные причастниками Христу не очень-то сделались... иначе не было бы усталости и разочарования в христианстве (да и церковная, а может быть, и общественная жизнь были бы совсем другими). Но совесть людей свидетельствует, что не по умыслу или нерадению это произошло; мы старались и до сих пор стараемся держаться церковного уклада, хотя это порой не приносит никакой радости – скорее, чувство обузы... Видимо, всё дело именно в "начатой жизни", о которой говорит Апостол: не здесь ли коренятся наши проблемы? Может быть, усталость от Церкви, потеря живого интереса к ней – "срабатывание" **неверных принципов, заложенных при начале нашего церковного существования, при воцерковлении?**

Мне думается, что те неожиданные и неприятные явления, которые формируются у многих православных после 10 – 15 лет их церковной жизни – следствие именно неправильного их воцерковления, следствие отсутствия должной катехизации, то есть **научения вере при вхождении в Церковь**. Исторически такое положение вещей понятно. Перед Русской Церковью раньше никогда не стояло этого вопроса. Церковь сразу по крещении Руси сделалась государственной, срослась с обществом, и воцерковление происходило естественным образом, "от пелен"; в советское же время ни о каком системном воцерковлении не могло быть и речи. И вот – свобода... для нас это стало

неожиданностью; ни к какой внутренней деятельности Церковь после периода гонений не была способна. Восстановление храмов, обустройство материальной стороны церковного быта и некоторый "реванш" за угнетённое 70-летнее положение Церкви оказались важнее пастырской заботы о правильном воцерковлении обратившихся к Церкви людей. Только сейчас, по прошествии 15 лет, Синодальный отдел по религиозному образованию и катехизации озаботился, наконец, разработкой **общецерковной концепции катехизации**. Однако составление концепции – дело сложное и долгое, ещё более сложно и долго воплощать её затем в приходскую практику; а тем временем жизнь продолжается, и неверные начала воцерковления продолжают воспроизводить свойственные себе ошибки.

Но опыт ошибок важен и драгоценен, на ошибках – и только на них, увы, ни на чём другом – учатся. Попытка сделать некоторые выводы из этих ошибок предлагается вниманию читателя. В нижеследующих заметках, несомненно, много субъективного, одностороннего и резкого; однако автор, тем не менее, считает своим пастырским долгом поднимать актуальные вопросы современной христианской жизни, надеясь на корректировку своих промахов и взглядов (если они окажутся неверными) соборным церковным разумом.

I

В начале – одно общее соображение, касающееся современных особенностей катехизации.

Воцерковление можно уподобить взращиванию плодового сада. Как оно происходит? Если мы возьмём семечко из вкусного сладкого яблока и посеём его в землю, у нас вырастет дикая яблоня с несъедобными плодами. Чтобы получить культурное растение, необходимо привить этому дикому дереву черенок садовой яблони. При этом нужно учитывать много всяких сельскохозяйственных тонкостей: каким образом прививается именно этот сорт, в какое время это нужно делать, как удаляются дикие ветви, как нужно обвязать и залечивать место прививки, как поливать, как удобрять почву, и т.д. Христианство и есть этот благодатный черенок: оно прививается к дикому дереву падшей человеческой природы, и, будучи правильно взращиваемо, переформирует его в дерево культурное, приносящее в своё время прекрасные плоды. Очевидно, что предварительным условием этого процесса является наличие дерева. **Христианство рассчитано на зрелых, ответственных и свободных личностей**. Для того, чтобы люди могли воспринять прививку христианства, нужны две вещи: а) вышеперечисленные качества у человека воцерковляющегося *уже должны быть*, и б) должна наличествовать некая "сродность культур", чтобы содержание Церкви было воспринято адекватно.

Церковь – это не голый спиритуализм; она целостно охватывает человека, все сферы его жизни. **Духовность свою Церковь выражает посредством определённой культуры**, которая есть культура слова, *logos`a*, личной, самостоятельной и ответственной рефлексии (не путать с приходской субкультурой). Эта культура глубоко традиционна и – в лучшем смысле слова – консервативна. Современные люди не только от рождения, но уже и "на генетическом уровне" живут в совершенно иной культуре – культуре видеоряда и массовых медиа-технологий: навязывающего определённый образ жизни кинематографа, "попсы", рекламы, спортивных трансляций, "клиповости", мобильно-интернетности и т.п. Это культура гедонизма, относительности ценностей, поверхностности, стадности,

одинаковости; она не только не способствует развитию необходимых для жизни в Церкви качеств – свободы, ответственности, трезвой оценки себя и мира – но, наоборот, всячески препятствует этому. Дальше всего она именно от индивидуального осмысления жизни, от logos`а, слова, его ценности и значимости. Церковь обращается к людям на своём языке, а современный человек – не то, что он "плохой", хуже, чем люди, скажем, XIV века, – но он просто не воспринимает ту культуру и те слова, которыми оперирует Церковь. Людям поэтому тяжело читать Евангелие, воспринимать традиции Церкви, а тем более – перестраивать в соответствии с ними свою жизнь. Этико-культурный "резерв" современного человека не способен вместить этого.

Конечно, это вовсе не значит, что Церковь должна стремиться к тому, чтобы сделаться клипово-мобильной, хотя, безусловно, следует понимать особенности современной культуры и пользоваться ими, говоря с людьми на их языке. Нужно другое: пастырям Церкви и всем, причастным к делу катехизации, необходимо осознать ситуацию, и, приступая к воцерковлению, обязательно учитывать две вещи. Во-первых, на Церковь сегодня ложится почти неподъёмная задача – включать в воцерковление и "во-культуризацию"; вместе с научением церковности, а порой и до неё, вводить людей в русло исторической традиционной, евангельской в основе своей, отечественной и европейской культуры. Подчеркну ещё раз, что под евангельской культурой я понимаю не памятники церковной жизни, перемещающие человека из современности в ностальгически-этнографическое прошлое, и не овладение эстетическим наследием человечества в виде, например, походов в филармонию или картинную галерею (хотя это далеко не лишне, надо сказать). Христианская культура – это прежде всего способ мыслить, это фундамент этики и эстетики, основанный на личной ответственности и духовной свободе, на образованности, на мировосприятии не-стадном, чувствующем и понимающем многогранность и сложность христианства и вообще жизни.

Далее. Прежде чем воцерковлять, нужно посмотреть: а привьётся ли наше слово? Не бывает ли так, что ему и привиться-то не к чему? Может быть, не о Церкви нужно начинать говорить "в лоб", а прежде о том, что человек – не часть толпы, что прежде чем стать христианином, ему нужно осмыслить себя как личность и стать просто нормальным человеком. Может быть, сначала необходимо сказать о человеческом достоинстве, о здравомыслии, порядочности, воспитанности и о многих простых вещах, о которых наши соотечественники имеют, увы, очень малое представление, – и потом уже к этому прививать познание церковного учения и практики...

Сегодня катехизатору обязательно надо учитывать разности культур Церкви и современного общества и работать над "предварительной зрелостью" людей. Это сложная задача, потому что, с одной стороны, отмеченная разность культур всё больше увеличивается, а с другой – сами деятели на ниве воцерковления часто не имеют должного понятия об основах христианской культуры, подменяя её неверно понятым преданием или этнографией, результатом чего является то, что в наличной церковной действительности сущностная культура Церкви не выявляется и профанируется. Но если этой задаче не уделять самое пристальное внимание и силы, то мы получим (и получаем) плоды катехизации, обратные всем нашим благим намерениям. Вместо широкого нравственно-культурного русла, в котором течёт христианство, человек в результате стихийного приходского "воцерковления" попадает в некую закрытую со всех сторон

"коробочку", душный и маленький мир. Он усваивает узкие тяжёлые взгляды на Бога, на Церковь, на других людей (да и на себя), стяжая вместо Христовой любви, свободы и евангельского разума совершенно противоположные качества. Строго говоря, это – "до-церковный" вопрос, проблема общества, сложившегося в нём менталитета. Особенности современной катехизации в том, что она должна взять решение этой проблемы на себя, ибо если раньше, в "доэлектрические" времена, церковность органически прививалась к традиционному укладу жизни, то нынешний социум без соответствующей культурной подготовки не способен адекватно воспринимать христианство. Эта культурная подготовка и должна быть сегодня важным начальным элементом воцерковления.

II

Приступим теперь к более подробному рассмотрению разных сторон катехизации. Воцерковление – процесс не одномерный, его особенности зависят от того, по каким побуждениям человек вошёл в Церковь. Побуждения эти многочисленны и индивидуальны, но можно свести их к трём основным. Почему люди приходят в Церковь? 1) Чтобы Церковь решила их проблемы – как внутренние, так и внешние; 2) по национально-патриотическим (реже – эстетическим, политическим и др.) соображениям, возвращаясь к "вере отцов", и 3) в силу религиозного искания истины. Церковь с любовью принимает всякого человека, по какой бы причине он не обратился к ней; но вместе с тем, к каждой из этих групп катехуменов необходим особый подход, чтобы воцерковление принесло действительный плод, а не взрастило заложенные в перечисленных побуждениях содержащиеся в них плевелы заблуждений и подмен.

* * *

Мы живём в падшем, испорченном грехом мире; скорби и страдания, добывание в поте лица хлеба своего (Быт. 3, 19) – непременный удел всякого человека на земле. Внутренняя неудовлетворённость, неустроенность души, невозможность справиться со своими страстями, нестроения в семьях, нескладывающиеся отношения между близкими (и неблизкими) людьми; социальная неустроенность, карьерные неудачи, недостаточность материального положения; пьянство, наркомания, разнообразные зависимости; супружеская неверность; дети; болезни свои и близких... список может быть продолжен до бесконечности. Бедный человек, живя на земле, как будто попадает в бесчувственный механизм Хода Вещей, который своими постоянно проворачивающимися проблемами делает нашу жизнь порой невыносимой... Чувствуя, что есть в мире нечто, что свободно от этой железной детерминированности земного существования – Церковь Христова, множество людей, имея религиозное чувство и веру в Бога (по большей части смутные и неопределённые), входят в неё, надеясь, что от этого облегчится их жизнь.

В наличной церковной действительности этот импульс получает охотное подхватывание, на нём строится наше обычное стихийное воцерковление. В проповедях, брошюрках, приходских СМИ, в беседах с пастырями людям сообщается, что Церковь – это как раз то, что им нужно, именно она и решит все проблемы, которые привели людей к церковному порогу. Мучает человека алкоголизм – молебен мч. Вонифатию, акафист Неупиваемой Чаше. Нестроения в семье – водичку с молебна мчч. Гурию, Самону и Авиву взять, кропить в доме, мужу подливать в пищу. Не складываются отношения с начальником?

квартирный вопрос? дети распустились? экзамен сдать? – к блаж. Матроне (универсальная помощь от всего). Терзают зависимости, страсти? Генеральная исповедь, утренние-вечерние молитвы, обязательно на Всенощную в субботу и на Литургию в воскресенье. Ну, причащаться почаще; чтобы не болеть – пособороваться, а то и на отчитку съездить, в паломничество, или в почитаемый источник окунуться. Уныние, внутри всё как "заржавело"? псалтирь читать. Не понимаешь? неважно, главное, что бесы понимают. И т.д., и т.п.

Я совершенно далёк от того, чтобы как-то смеяться над всем этим. Человеческие проблемы и желание решить их, избежать их – абсолютно законны, и вызывают и сочувствие, и желание помочь. Но дело всё в том, что *Церковь никакие проблемы не решает*, она – совсем о другом. То правда, что перемена жизни, обращение к Богу, молитва, отказ от смертных грехов действительно изменяют многое в жизни людей; но это есть лишь некое следствие (а вовсе не цель) начавшейся церковной жизни. Наша приходская катехизация берёт на вооружение эти действительно яркие и многочисленные случаи и делает из них вывод, что – вот, это изменилось в твоей жизни, значит, и всё остальное тоже со временем изменится так, как тебе нужно, если, например, умножить посещение храма, пощение, исполнение молитвенного правила и т.п. Но вот проходят годы, а с ними – период неофитства, одна из особенностей которого – отодвигать на время страсти и проблемы... и они возвращаются. Опыт показывает: если человек пил – он опять начинает пить, хотя и исповедуется, и причащается, и служит молебны. Подверженный блудной страсти всё с большим трудом удерживается от грехов, хотя и постится, и молится мц. Фомаиде. Отношения с людьми не только не улучшаются, но становятся ещё хуже, хотя вся жизнь выстроена по церковным правилам... Бывают, конечно, случаи полного избавления в Церкви от тех или иных страстей, пороков и недостатков, но они очень не часты, – а в массе своей, как показывает опыт, после некоторой ремиссии всё возвращается к тому, чем человек был до своего воцерковления, пусть даже он и погрузился в самые глубины церковной жизни, стал, например, монахом или священником. Даже если он видит в себе такое положение вещей и старается изменить его постом, молитвами, хождением в церковь, чтением святоотеческих книг и проч. – затраченные усилия дают непропорционально малый результат. Наконец, руки опускаются, энергия бороться с собою вышеуказанными средствами иссякает... и бедный человек, чаще на уровне чувств, а иногда и сознательно, приходит к выводу: раз моя проблема не решилась – значит, Церковь мне не помогла. ***Дал нам Бог духа... силы, любви и целомудрия*** (2 Тим. 1, 7)... но где всё это? всё церковное исполняю, а плода нет... выходит, Церковь обманула меня... Отсюда – разочарование, крайнее уныние и настоящая духовная трагедия, свидетелем чего мне не раз приходилось быть на исповеди.

Но никто не сказал приходящим к таким тяжёлым выводам людям (а их немало, увы!) при их воцерковлении, что Церковь и *не должна* напрямую решать все их проблемы. Протопресвитер Александр Шмеман пишет, что ошибка – сводить веру "к себе и своим проблемам. Суть христианства мне всегда, с детства, представлялась в том, что оно не разрешает проблемы, а снимает их, переводит человека в тот план, где их нет. В том же плане, в котором они есть, они потому и есть, что они неразрешимы" (Дневники. М., 2005, стр. 34 – 35). Катехизическая установка на "решение проблем" снимает с человека ответственность, и, в обмен на свободу, перекладывает её на Церковь. Но это неверный и, по сути, **магический подход**, непременно обнаруживающий свою ложь и рано или поздно

терпящий фиаско. Человек должен решать свои проблемы сам, и только сам, своим нравственным и духовным трудом. Безусловно, Церковь *помогает* увидеть эти проблемы и их корни, *укрепляет* человека благодатью Божией в свободном и ответственном его действовании; но главное всё же – то, что *Церковь вводит человека в жизнь Царства Христова*, в соединение с Богом, в небесную реальность, изымает его из детерминированности Хода Вещей, в свете чего проблемы теряют для человека своё значение **проблем и становятся благим и желанным полем исполнения заповедей Христовых**, на котором сокрыта драгоценнейшая жемчужина (Мф. 13, 44 – 46), теми неизбежными скорбями, которыми нам надлежит войти в Царство Небесное (Деян. 14, 22), игом – но во Христе благим, бременем – но во Христе лёгким (Мф. 11, 30)... Если бы людям, переживающим вышеописанное разочарование, об этом сказали в начале их церковной жизни, то их духовные усилия были бы направлены на другое, и разочарования бы не было. Вероятно, был бы почти у всех встречающийся кризис, но вооружённый правильным знанием человек без сомнения преодолел бы его, обретая в самом кризисе ценнейший опыт евангельской правды.

Итак, воцерковление не должно базироваться на постулате "Церковь решит все ваши проблемы". Начинать воцерковление нужно совсем с другого – с осознания человеком получаемой им в Боге свободы и неразрывно связанной с ней личной ответственности за свою жизнь. И нужно предупреждать людей, что – наоборот, у них могут *появиться* проблемы. Мы нередко видим, что человек входит в Церковь – и на него откуда ни возьмись наваливаются ужасные несчастья, скорби и беды. Об этом говорит и Священное Писание. Когда Моисей благовествовал израильтянам избавление от рабства, и народ с радостью принял эту весть, то фараон, будучи ожесточен Господом, наложил на народ Божий большее и тяжелейшее иго (Исх. гл. 5). Катехизация должна начинаться с того, что нам в Церкви даётся другая реальность – Царство Божие. За это придётся многим и пожертвовать; но именно эта добровольная жертва даёт человеку силу и свободу разобраться в том числе и со своими проблемами.

Возразят: но для большинства путь к Богу по большей части возможен именно через скорби и проблемы; если не утешать их мнением, что эти их проблемы решатся (или хотя бы облегчатся), то люди окажутся вне Церкви. Важно, конечно, что люди обращаются в своих бедах к Богу. Но нужно сразу говорить им о том, что в Церкви речь идёт, по совершенно точному выражению прот. Александра Шмемана, не о *решении* проблем, а о *снятии* их в свете достигшего до нас (Мф. 12, 28) Царства Христова, когда для человека любовь ко Христу (и – главное – любовь Христа к нему) становятся значимее и реальнее земного Хода Вещей. Ко всем, к каждому лично обращена заповедь – ***ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам*** (Мф. 6, 33). Приложится то, что надо каждому; бывает, что человеку для его пути к Богу как раз *необходимы* проблемы, чтобы он увидел в них руку Божию, "перемаливал" их, учился поступать в них по-евангельски, совершенствовал свою душу.

Очень важно также, чтобы в Церкви звучала только правда. Если человеку наобещать от лица Церкви, что Бог решит все его проблемы, а этого не случится – человек неизбежно придёт к мысли, что Бог и Церковь его обманули. Катехизация должна предложить людям не что-то неопределённое (ибо, я думаю, ни один даже самый опытный и облагодатствованный пастырь не дерзнёт со 100%-й уверенностью от имени Бога обещать,

что Бог непременно человеку сделает то, что он хочет), но твёрдое и незыблемое основание, которое есть только и исключительно Сам Христос (1 Кор. 3, 10 – 11). Наша задача – показать человеку Истину и указать точный путь к ней, не умалчивая и сложностей на этом пути; но не предлагать людям "бытовое обслуживание" при помощи внешней церковности. Ориентировать воцерковление надо исключительно религиозно. Другое дело, что к каждому человеку нужен индивидуальный подход, у всех своя мера и степень религиозности; необходимо учитывать и внутреннее, и внешнее состояние человека, и условия его жизни, и (кстати) его проблемы, – но подменять религиозное бытовым в деле катехизации недопустимо.

Подытоживая, можно сказать, что общая задача воцерковления катехуменов этой группы – постараться перевести людей с позиции "решения проблем" к поиску собственно религиозной истины и духовной жизни.

III

В глобализующемся мире, становящимся всё менее человеческим, в условиях распада империй, размывания и упадка национальных культур, крушения традиционных связей между людьми и народами человеку особенно необходимо нечто прочное, на что он мог бы опереться, чтобы сохранить питающие его корни народной жизни. Люди, любящие свою историю, гордящиеся ею, болезненно переживающие нынешний период ломки традиционных устоев, желающие блага и процветания своему отечеству, обращаются к Русской Православной Церкви с её вековыми традициями, здоровым консерватизмом, с её огромной исторической ролью в деле строительства государства, консолидации нации, и, руководимые названными побуждениями, входят в неё. Как воцерковлять таких людей? Это очень непростая задача. Если в случае рассмотренных нами выше "бытовых побуждений" человек приходит в Церковь под влиянием хоть и смутного и непрямого, но очевидного религиозного чувства, то здесь у людей вовсе может не быть религиозного импульса. Если в случае "решения проблем" человек отталкивается от хотя и житейских, но зримых и реальных вещей, то здесь многое базируется на мифах, идеологемах и подменах. Переход от бытовых проблем к жажде Царства Христова при должном объяснении сути Церкви может быть не слишком труден; в данном случае дело воцерковления стоит перед тяжёлой задачей **болезненной переориентации человека с земного на небесное**, с политического на нравственное, с плотского и падшего на духовное. Почти всякое правильное научение той или иной стороне церковной жизни идёт "в пику" национальной, ура-патриотической (да и вообще любой) идеологии.

Нужно прямо сказать, что наша наличная катехизация не только не справляется с этой задачей, но даже и не ставит её, всячески потакая национал-патриотическому мифотворчеству. В проповедях, с амвонов, на разнообразных конференциях, круглых столах, симпозиумах, в частных пастырских беседах, в книгах, церковных газетах, журналах и радиопередачах звучит постоянный мотив: церковность – это патриотизм, державничество, борьба против глобализации, "так называемых" прав человека, противостояние либеральному индивидуализму, западной цивилизации, отстаивание своей особой "цивилизации православной", etc. Людей призывают вернуться к "вере отцов", приобщиться нашей исторической традиции, подчинить себя православной соборности, в качестве героев и образцов для подражания выставляя фигуры людей, так

или иначе способствовавших "величию России", и т.д., и т.п. Не буду подробно разбирать эти призывы, скажу лишь, что внимательное рассмотрение их в свете Евангелия и подлинной церковности обнаруживает их очевидную несостоятельность. Вера наших отцов – коммунизм, гонение на Церковь, построение на земле Царства Божия без Бога. Исторические традиции для христианства имеют значение только с точки зрения соблюдения в рамках их заповедей Христовых. Соборность не есть казарменность, строевой марш под хоругвями, когда человек, вступивший в Церковь, обязан по частным или общественным вопросам думать так, как все. Соборность – это единение людей во Христе (а вовсе не в какой бы то ни было идеологии), невозможное без христианского уважения к личности, к каждому человеку. Герои, способствовавшие величию России, могут быть церковно почитаемыми и авторитетными образцами жизни только в том случае, если они были подлинными христианами, а не (как это есть по большей части) людьми, далеко не соответствовавшими не только христианскому, но и общенравственному идеалу... Подмена катехизации политиканством – болезнь нашей сегодняшней церковной жизни.

Основной результат этой подмены – что собственно воцерковления не происходит. Политиканствующая "катехизация", во-первых, создаёт у людей неверное представление о Церкви и о христианстве – что они существуют для обеспечения земного благополучия нации, имеют всего лишь прикладную ценность. Во-вторых, в человеке воспитываются совершенно антихристианские качества: ненависть, глупость (ибо любой национализм есть ненависть и глупость), агрессия, превозношение, хвастовство, лицемерие, нравственный релятивизм и т.п. В-третьих, совершается некий обман: человека убеждают, что раз он русский – значит православный... а на деле он может быть от Православия и от Христа очень далёк, и когда повороты жизни ставят человека лицом к лицу с этой истиной, он оказывается в трагическом и беспомощном положении. В-четвёртых, попадая в Церковь, ура-патриоты развивают бурную деятельность по пропаганде и отстаиванию вещей, периферийных для Церкви (при полном невнимании к сути её), создавая обстановку крайней нетерпимости к людям, мыслящим не так, как они. В-пятых, ради нас **имя Божие хулится у язычников** (Рим. 2, 24), ибо в глазах внешних Церковь часто выглядит в связи со всем этим очень недостойно.

Что же со всем этим делать? Прежде всего понять, что Церковь есть **Царство не от мира сего** (Ин. 18, 36). В свете этой неотмирности для правильного воцерковления человеку придётся решительно отказаться от националистической идеологии и **внеести существенные коррективы в понятие патриотизма**. Катехизаторам нужно говорить о том, что Церковь по природе своей вселенская, что обращена она прежде всего к личности, к индивидуальности, а потом уже, во вторую очередь, из этих личностей складывается народ Божий (отнюдь не тождественный с нацией); что задача Церкви – не обеспечивать людям земное существование, но вводить их в реальность Небесного Царства, путь в которое – исключительно соблюдение заповедей Христовых, а вовсе не какое бы то ни было "державное строительство". "Но ведь Церковь всегда благословляла патриотизм", скажут мне. Да, благословляла и благословляет, но не безусловно, а только под неременным и обязательным условием, что любовь к отечеству, служение ему будет деятельным осуществлением по отношению к людям заповедей Божиих, но не кичливыми словами, мифотворчеством и агрессивным превозношением над другими. Это вовсе не значит, что Церковь отвергает здоровое национальное чувство, попечение о земном

отечестве и проч. Не отвергает, но воспринимает их как данность падшего мира, с которым Церковь связана в силу прохождения ею земного бытия, осознавая, что названные вещи не будут иметь места в Царстве Небесном, и, следовательно, их значение и на земле относительно. Действительно, Церковь созидает культуру, оказывает благотворное воздействие на все сферы человеческой жизни, но это – некий "побочный эффект" жизни Церкви, а вовсе не сущностное её назначение.

При воцерковлении входящих в Церковь по национально-патриотическим соображениям людей нужно резко разделить Церковь и идеологическую и политическую сферу жизни. Первой задачей воцерковления здесь будет (как и в "бытовых" случаях) – переориентировать человека с политических соображений того или иного толка на собственно религиозную мотивацию поиска истины. Патриотизм и возрождение Великой России – прекрасные вещи; но пусть они идут своим чередом; Церковь всё-таки – совсем о другом. Православная церковность противопоставляет самовосхвалению – видение своих недостатков и деятельное покаяние; превозношению – понимание того, что Богу равно дороги все люди и народы; ненависти – осознание того, что путь Церкви – это любовь Христова; желанию насильственно всех "оправославить" – евангельское уважение к свободе человека. Ещё раз повторю, что в нынешних условиях это очень сложная задача. Сами нынешние пастыри и катехизаторы в большинстве своём совершенно к этому не готовы, вполне разделяя и с энергией, достойной лучшего применения, тиражируя ура-патриотические и националистические настроения. К тому же, выражается опасение, что многие активные люди уйдут из Церкви, услышав учение о любви, правде и свободе ("ах вот вы тут чему учите, и это в то время как рушится Россия, мировой закулисой осуществляется геноцид русского народа..."), и поэтому нужно строить проповедь на том, что им нравится и хочется. Но здесь я дерзну сказать, что здоровье Церкви предпочтительнее привлечения в неё чуждых ей по духу людей. Вспомним, что Господь вовсе не гонялся за количеством учеников, и даже сказал им, когда Его слова вошли в противоречие с земным "здравым смыслом": **не хотите ли и вы отойти** (Ин. 6, 67)? Наше дело – засвидетельствовать о Церкви, чем она является на самом деле; а человек пусть сам решает, нравится ли ему учение Христово или нет, хочет ли он следовать ему или пребывать в плену земных иллюзий. Ради количества паствы потакать человеческим страстям и Церковь ни в коем случае не должна.

IV

Наконец, есть люди, пришедшие к Церкви под влиянием некоего непосредственного религиозного импульса, можно сказать – приведённые Самим Богом. Это может произойти в горе и скорби (и необязательно *личном* горе; любая человеческая жизнь есть великая трагедия – если быть сочувственно внимательным к ближним, это очевидно); но в отличие от вышеописанной "бытовой" мотивации, человек ищет *смысла* в постигшей его (или других) беде – и чувствует за ней непостижимого в милости Бога, Который отирает всякую слезу с очей пришедших к Нему от великой скорби (Откр. 7, 14; 17). Это может случиться и в полном благополучии, когда люди начинают ощущать недостаточность, несовершенство, абсурдность земной жизни самой по себе – и сознательно ищут Истину (Ин. 14, 6), Которая берёт их за руку и неведомыми путями приводит к Себе и Своей Церкви. Человек с ужасом думает о смерти, пытаясь постичь смысл её – и встречает Того, Кто **есть Воскресение и Жизнь** (Ин. 11, 25). Наконец, сердце может просто посетить

неизъяснимая радость, когда душа вдруг трепетно ощущает, что есть Бог, Который **есть Свет, и нет в Нём никакой тьмы** (1 Ин. 1, 5)... Религиозное побуждение исключает как позицию "решения проблем" – ибо (ещё, может быть, и не читая Священного Писания) человек чувствует, что **кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу, когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое: ибо видимое временно, а невидимое вечно** (2 Кор. 4, 17-18), так и позицию "построения Великого и Гордого Земного Благополучия", ибо (пусть интуитивно) знает душа, что **наше жителство на небесах** (Фил. 3, 20), что мы **не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего** (Евр. 13, 14), **которого художник и строитель Бог** (Евр. 11, 10). Катехизация "бытовых" и "политических" неофитов должна подводить именно к такой религиозной мотивации, ибо только с неё начинается настоящее воцерковление.

Нужно сказать, что это вполне осознаётся многими пастырями. Но вот вопрос – такая мотивация возникает исключительно тогда, когда сердца человеческого касается перст Божий. Разумеется, ни один катехизатор на свете не может "обеспечить" этого людям; но как же тогда дать им понять и почувствовать, о чём идёт речь? Наше стихийное приходское воцерковление отвечает на это следующим образом. **Нужно взять на себя исполнение церковного чина, встроить себя в церковную жизнь, и тогда со временем, постепенно, через обряд и участие в богослужениях, человек дойдёт и до духовного.** Такое "встраивание в обряд" касается не только храмовой, но и всей жизни: нужно стараться по возможности в полном объёме исполнять дисциплинарные церковные предписания (пост), пересмотреть свои эстетические вкусы, усвоить себе православную лексику, по особому одеваться, определённым образом организовывать досуг (ездить в паломничества, "по старцам", окунаться в источники), и проч., и проч. Мы видим здесь следующий подход: через внешнее – к внутреннему. Исполненный благодати церковный обряд сам по себе повлияет на душу.

Действительно бывает, что даже на случайно зашедшего в храм человека оказывает потрясающее воздействие услышанные им слова какого-либо песнопения или то или иное литургическое действие. **Воцерковление через обряд возможно**; но пастырский опыт всё же свидетельствует о редкости таких случаев и о частом неуспехе названного подхода. По прошествии определённого времени церковность, основанная на обряде, на внешнем или рушится, или с тяжестью, как ярмо, несётся, или вырождается в лицемерие. Силу охотно и радостно нести обряд даёт некий внутренний стержень. Есть он – всё внешнее предпринимается с бодростью; нет его – превращается в бессмысленную обузу. Стержень этот – Богообщение, реальный (пусть даже слабый, начальный) религиозный опыт, о котором мы сказали выше.

Безусловно, внешний церковный чин, правила и запреты, дисциплинарные нормы и традиционно сложившиеся формы поведения православного христианина имеют огромное значение; они нужны и важны. **Но не сами по себе, а только лишь тогда, когда они способствуют жизни во Христе,** исполнению святых Его заповедей, становлению человека как христианина, то есть ответственной, зрелой, свободной, богоподобной личности. Если же этого не происходит – грош цена всем обрядам, юбкам, постам и православным словесам. Обряд сам по себе не является источником духовной жизни. Более того, учитывая культурную сложность нашей византийской обрядовости, её историческую обусловленность, многослойность, запутанность и порой культивируемую

и ожесточённо отстаиваемую этнографичность и архаичность, можно определённо сказать, что через обряд "пробиться" к Живому Христу чрезвычайно сложно, почти невозможно. Но естественен обратный путь – от познания Христа к церковному обряду. Святитель Феофан Затворник писал, что не бывает внутреннего без внешнего, но бывает внешнее без внутреннего. Внутренний религиозный импульс так или иначе выявляется у человека во вне, "обряжается" тем или иным образом, складывается в те или иные формы. Придя к Богу Истинному, люди видят в Церкви, что тот опыт, который пережили они, пережит и поколениями христиан и запечатлен в том или ином обряде, чине, дисциплинарной норме – и тогда человек с радостью, как свои, принимает их, ибо он видит в них Христа.

Итак, воцерковление не должно начинаться с обряда. Прежде всего людям нужно свидетельствовать о жизни во Христе, насколько это возможно рассказывать о ней, побуждать искать её. И только по мере появления религиозного чувства, по мере его осмысления, очень деликатно и индивидуально обрамлять это чувство церковными формами, всячески избегая механического казарменного встраивания человека в общие для всех "схемы". К выполнению этой задачи сегодня видятся следующие препятствия:

1) Пастырь (и катехизатор) должен сам иметь живой религиозный опыт жизни во Христе и уметь о нём сказать и им поделиться. Большинство церковных людей, безусловно, такой опыт имеют; но беда в том, что никто не учит нас сколько возможно адекватно его оценивать и на доступном для современных людей языке выражать. В семинариях этого не проходят, на приходах опыт Богообщения часто покрывается (я бы сказал – "окликнушивается"). Как правило со временем, к большому горю, живость и острота этого опыта, особенно у клириков, как бы "подёргивается пеплом", он вытесняется более "важными" вещами: семейно-бытовыми проблемами, восстановлением и содержанием храма, выстраиванием отношений с настоятелем-благочинным-архиереем, и проч. А между тем, именно живая жизнь со Христом – самое важное, и *единственно важное* в Церкви; этот опыт нужно культивировать, возвращать, приумножать, а пастырь, вдобавок, обязан уметь и передавать его другим... но на это совершенно не направлены наши усилия.

2) Традиционное для нас обрядоверие. Разбираемая нами точка зрения основана на том, что обряд абсолютен, первичен, самоценен и обладает неким "автоматическим действием". На эту тему написаны горы книг, всем известны высказывания по этому поводу и канонизированных святителей и пастырей Церкви, и сегодняшнего Священноначалия... но, несмотря на это, для очень многих внешняя церковность остаётся важнейшей в христианской жизни, сакральной и неприкосновенной, а высказываемые людьми претензии к непонятности и утомительности её объявляются гордостью и своеумием. Для немалого количества пастырей обряд (причём в том виде, в котором он есть сейчас, вовсе не в его "исторической чистоте") равен Православию; по их мнению, чуть измени что в обряде – и Православию придёт конец... поэтому мы "исполняем утреннюю молитву" вечером (врём Богу и себе самим), с сознанием выполненного долга смешиваем несовместимое (например, при совпадении дат совмещаем Великую Пятницу с Благовещением вместо того, чтобы перенести последнее), не допускаем прихожан до Причастия на Светлой Седмнице по причине "непощения" etc., и убеждаем людей, что так надо, что в этом наша опора, что здесь один из важнейших смыслов христианства. Надо

сказать, что эта проблема вовсе не сводится к некоей "клерикальной косности и ограниченности", она гораздо глубже. **Здесь – вопрос самоопределения.** Вот мы – православные христиане; но что делает нас таковыми? **Главным образом именно традиционность и обрядовость.** Мы идентифицируем себя как православных по причине того, что мы постимся, ходим на службы, храним верность древним преданиям etc., но вовсе не потому, что Христос вселяется в сердца наши, и жизнь наша становится выражением и осуществлением Евангелия Христова. Отними от нас закрытые алтари, церковнославянский язык, старый стиль, посты, нестриженные бороды, привычные лексические штампы и проч. – и нам будет очень сложно осознавать себя христианами, мы окажемся в некоей пустоте, ибо наше христианство на практике по большей части сводится к вышеперечисленным вещам, срастается с обрядом и подменяется им... Как справиться с обрядоверием, не знает никто; но говорить об этой нашей хронической церковной болезни необходимо, и тем более необходимо ограждать от неё людей только воцерковляющихся.

3). Наконец, у нас нет традиции индивидуального и уважительного подхода к людям. У нас человек как пришёл в Церковь, так тут же на него накладывается общее: "три дня перед причастием"... "среды-пятницы-большие посты, и непременно по Уставу, ну в крайнем случае масло можно"... "молитвенное правило от сих до сих"... "не нами положено, не нам и изменять, нужно подчиняться, вырабатывать смирение"... и т.п. А между тем, люди все разные, у всех своя мера, и задача воцерковления – не одеть всех в одинаковую одежду, построить в каре и заставить ходить в ногу, но помочь человеку обрести Христа и стать тем, кем его – именно его, никого другого, и тем более никакой не коллектив – хочет видеть Господь. Один с лёгкостью постится, для другого – великий подвиг не есть мяса по пятницам и в течение Великого поста... нужно ли его в этом укорять, заставлять каяться и считать себя постоянным должником перед Церковью? Нужно ли ставить главной задачей его церковной жизни, чтобы он чего-то не ел, чтобы соответствовать "всем"? Один с радостью ходит в храм несколько раз в неделю, другой выбирается редко, да и то только на Литургию причаститься, потому что ему тяжело стоять, и он плохо переносит большое скопление народа, а дома он по церковным книгам мирно молится... нужно ли ему говорить, что он всё равно "должен", что это всё "гордыня"? Критерий ведь тут один – **способствует ли та или иная внешняя церковность жизни во Христе, или нет.** Если да (а проверяется это по исполнению заповедей Божиих и по присутствию в душе плодов Духа – см. Гал. 5, 22-23), то пусть человек живёт в своём режиме. Если нет – какой смысл мучить себя, выстаивая, например, Всенощную не ради молитвы (и не ради даже понуждения себя на молитву), а только потому, что так *надо*... Православная церковность не сводится к унификации в долженствованиях и запретах; **степень участия в обряде зависит от степени внутреннего, религиозного соответствия в душе человека назначению и смыслу обряда.** Пастырь обязан это учитывать, и в соответствии с этим давать воцерковляющемуся христианину его индивидуальную, а не обще-схематическую меру внешней церковности, помня евангельское слово – **суббота для человека, а не человек для субботы** (Мк. 2, 27). Но считаться с устройством и желаниями людей у нас не принято, а принято стоять "на страже формы", которой член Церкви во что бы то ни стало непременно обязан себя подчинить. Смещены акценты – главным считается не дать человеку Божественную жизнь, а соблюсти букву.

Кроме того, здесь видится и совершенно неверное представление о Христе и о Его отношении к людям – что Он будто бы действует только через обряд и только общим для всех образом. Получается, что человеку нельзя быть с Богом "просто", быть самим собою, со своими, данными ему Богом же, особенностями; нужно все эти особенности счесть грехом, "отсечь" и приближаться к Нему только через дисциплину, исполнение ритуала etc, ибо жизнь во Христе возможна исключительно в обрядовых рамках... К счастью, наш Бог не такой. *Дух дышит, где хочет* (Ин. 3, 8). Господь, хоть любит всех нас одинаково – неизреченною любовью, превосходящей всякое разумение (Еф. 3, 19), – но к каждому из нас эта любовь обращена по особому, по-своему; каждого из нас Господь **знает по имени** (Ин. 10, 3), каждый **перед своим Господом стоит или падает** (Рим. 14, 4). Мы, по слову Апостола, **живём, движемся и существуем** Богом (Деян. 17, 28); **и смысл воцерковления не в том, чтобы человек стал образцовым обрядоисполнителем**, а в том, чтобы это существование раскрылось во всей полноте и осуществлялось на всякое время, а не только тогда, когда человек "подключается" к общему храмовому действию. Пока наше воцерковление этой цели перед собою не ставит, плоды его будут печальны – мы сказали о них в начале нашей работы.

V

Религиозный импульс, приводящий человека в Церковь, не есть некий "конечный результат". Не есть он и величина постоянная: нередко случаи, когда, оставленный в небрежении, не получивший должного развития, он забывается и исчезает. Религиозный импульс – начало церковной жизни, семя, **зерно горчичное** (Мф. 13, 31), которому предстоит расти, и над возделыванием которого нужно потрудиться и самому человеку, и всей Церкви: обложить навозом (Лк. 13, 8), поливать (1 Кор. 3, 6), обрезать неплодоносящие ветви (Ин. 15, 6) и т.д. На этом поприще христианину предлежит подвиг преодоления своей падшести, стяжания Святого Духа. **Что для этого нужно делать? Говоря схематически, благодать возрастает и приумножается от четырёх вещей: 1) участия в Таинствах Церкви, 2) молитвы, 3) чтения Священного Писания (и шире – поучения в законе Господнем (Пс. 118, 97), познания воли Божией) и 4) исполнения Христовых заповедей, нравственной евангельской жизни.** Всему этому новоначального христианина необходимо обучить, дать ему навык этих деланий, а также и указать некий идеал, к которому нужно стремиться и над осуществлением которого трудиться.

Исторически сложилось так, что таковым идеалом для Православия стало монашество. Не будем разбирать здесь причины этого явления – это тема отдельной работы; отметим некоторые следствия. Сегодняшний церковный устав – исключительно монастырский. Церковная дидактика в виде Житий Святых, поучений, наставлений не содержит в качестве идеала подвиг жизни семейного человека, считая его чем-то несовершенным сравнительно с монашеством. Из-за этого проблемам семьи, воспитания детей, достойной общественной и социальной деятельности в святоотеческих книгах (за исключением, пожалуй, святителей Иоанна Златоуста и Феофана Затворника) не уделяется достаточного внимания. Само монашество, в свою очередь, понимается массовым церковным сознанием не всегда верно. Монашество есть евангельский максимализм, в том числе и в духовной свободе; монашество по природе своей персонально, индивидуально, интимно. В многочисленных творениях монахов-подвижников оно некоторым образом унифицируется теми или иными аскетическими правилами. Так как первое непонятно

большинству людей, а второе – очевидно, то монашество подменяется внешней аскетикой; в итоге через её призму и предлагается воцерковляющемуся человеку вышеназванные четыре духовные делания. На практике это зачастую приводит к нежелательному результату. Таинства обрастают аскетической дисциплиной, отчего они превращаются в некий род спорта и делаются для человека своеобразной обязаловкой, а вовсе не живой, свободной и творческой жизнью в Боге. Молитва подменяется "правилом" и уходит из жизни, а остаётся вычитывание молитвословий и выстаивание служб. К Священному Писанию воспитывается опасливое недоверие, ибо воспринимать его нужно "только через Отцов", а если самостоятельно читать, так непременно "впадёшь в прелесть"^[1]. Наконец, евангельская нравственность отходит на второй и третий план в жизни человека сравнительно с аскетикой. Примеры этого бесчисленны. Типичная ситуация: был добрый, хороший человек, сострадательный и делавший много доброго людям; обратился к Богу, курить бросил, не ест ничего, молится сутками – но стал совершенно непереносим для ближних: злым, нетерпимым, безапелляционным, затворил своё сердце от людей, никому не помогает – де, "добро падшего естества"... Увещевать такого – бесполезно: в ответ слышишь, что главное – "спасаться", то есть вести аскетическую жизнь; а всё, что этому мешает, нужно отсечь, ибо так пишут Святые Отцы...

Разумеется, я не отрицаю значение аскетики (и святоотеческих назиданий в области её) в жизни христианина; это значение велико. Но всё должно быть на своём месте. Для уяснения этого места нужно выяснить соотношение аскетики и нравственности. Священное Писание весьма определённо высказывается по этому поводу. ***Взывай громко, не удерживайся; возвысь голос твой, подобно трубе, и укажи народу Моему на беззакония его, и дому Иаковлеву – на грехи его. Они каждый день ищут Меня и хотят знать пути Мои, как бы народ, поступающий праведно и не оставляющий законов Бога своего; они вопрошают Меня о судах правды, желают приближения к Богу: "Почему мы постимся, а Ты не видишь? смиряем души свои, а Ты не знаешь?" – Вот, в день поста вашего вы исполняете волю вашу и требуете тяжких трудов от других. Вот, вы поститесь для ссор и распрей и для того, чтобы дерзкою рукою бить других; вы не поститесь в это время так, чтобы голос ваш был услышан на высоте. Таков ли тот пост, который Я избрал, день, в который томит человек душу свою, когда гнет голову свою, как тростник, и подстилагает под себя рубище и пепел? Это ли назовешь постом и днем, угодным Господу? Вот пост, который Я избрал: разреши оковы неправды, развяжи узы ярма, и угнетенных отпусти на свободу, и расторгни всякое ярмо; раздели с голодным хлеб твой, и скитающихся бедных введи в дом; когда увидишь нагого, одень его, и от единокровного твоего не укрывайся. Тогда откроется, как заря, свет твой, и исцеление твое скоро возрастет, и правда твоя пойдет пред тобою, и слава Господня будет сопровождать тебя. Тогда ты воззовешь, и Господь услышит; возопиешь, и Он скажет: "вот Я!" Когда ты удалишь из среды твоей ярмо, перестанешь поднимать перст и говорить оскорбительное, и отдашь голодному душу твою и напитаешь душу страдальца: тогда свет твой взойдет во тьме, и мрак твой будет как полдень; и будет Господь вождем твоим всегда, и во время засухи будет насыщать душу твою и утучнять кости твои, и ты будешь, как напоенный водою сад и как источник, которого воды никогда не иссякают*** (Ис. 58, 1-11), говорит пророк Исаия. Один из величайших святых Церкви, преподобный Макарий Великий, пишет об аскетическом делании: "если не находим в себе обильных плодов любви, мира, радости, кротости, смирения, простоты, искренности, веры и долготерпения: то тщетны и

напрасны были все наши подвиги; потому что всякое таковое делание и все подвиги должны совершаться ради плодов. Если же не оказывается в нас плодов любви и мира, то вотще и напрасно совершается всё делание" (Преподобный Макарий Египетский. Духовные беседы. СТЛ, 1994, стр. 349). Плоды эти – благодать Святого Духа, проявляемая в устройении (нраве) сердца и выражаемая всем укладом жизни, всеми делами человека. Благодать даёт вере христианина **действовать любовью** (Гал. 5, 6) и исполнять заповеди Божии, которые **не тяжки** (1 Ин. 5, 3), ибо творятся они нами совместно с Богом, без Которого мы **не можем делать ничего** (Ин. 15, 5). А творение заповедей Божиих и есть евангельская нравственность. Её отличие от морали именно в том, что она представляет собою синергию, сотворчество человека и Бога; её невозможно осуществить усилием только человеческим, ибо она – результат присутствия в сердце благодати Христовой.

Но евангельская нравственность – не только свидетельство наличия благодати, но и условие её стяжания. Преп. Макарий пишет: желающему "стать жилищем Божиим надобно всегда принуждать себя ко всему доброму, к соблюдению всех заповедей Господних, хотя бы и не желало того сердце по причине пребывающего в нём греха. Пусть, хотя бы и не хотело сердце, по мере сил, с принуждением приучает себя человек быть милостивым, снисходительным, человеколюбивым, добрым, принуждает себя к кротости... Господь, видя такое его произволение и доброе рачение, как он непрестанно принуждает себя ко всему доброму, сотворит с ним милость Свою, избавит его от живущего в нём греха, исполняя его Духом Святым. И таким образом, без принуждения уже и без всякого труда всегда будет он в самой истине исполнять заповеди Господни, лучше же сказать, Сам Господь совершит в нём заповеди Свои и плоды Духа, как скоро человек плодоприносит в чистоте" (там же, стр. 356-358). Евангельская нравственность требует от человека подвига, суть которого – уподобление Христу. **Кто говорит, что пребывает в Нем, тот должен поступать так, как Он поступал** (1 Ин. 23, 6), говорит Апостол, а преп. Макарий Великий пишет: "Да имеет же человек всегда перед очами, как незабвенный образец во всегдашней памяти, Господне смирение и жизнь, и обращение с людьми" (там же, стр. 357). Подвиг этот бывает, так сказать, прямой нравственный, а бывает, что он связан с теми или иными душевно-телесными ограничениями. Святые отцы опытно выработали целую систему таких ограничений и подробно описали её в своих книгах.

Как мы увидели из цитат преп. Макария, эти ограничения, или аскетика, есть *средство, инструмент* для нравственного душевного подвига; продолжая эту мысль, необходимо подчеркнуть, что, так как все люди разные, у всех своя мера, своё устройство, свои особенности, свои условия жизни, **то и аскетические средства должны быть индивидуальны, не унифицированы**, применяться по личной потребности и нужде, а не быть заданы заранее как общее правило. В нашем церковном сознании, в силу отмеченного выше превалирования монашеского идеала, наличествует противоположная "установка": именно внешняя унифицированная аскетика (сводящаяся, собственно говоря, к трём вещам: неядению, неспанию и исполнению правила) считается необходимым и достаточным для духовной жизни подвигом. В результате нарушается иерархия христианских ценностей, аскетика отделяется от нравственности, средство становится целью, христианство превращается в йогу, а жизнь со Христом подменяется Религией Еды.

Причины такой подмены две. Первая – неверное ощущение Церкви. Мы говорили, что Церковь есть Царство Божие, которое нам уже *дано*. Главное церковное богослужение начинается возгласом "Благословенно Царство"; на Литургии мы молимся о причащении Тела и Крови Христовых "во исполнение Царства" (евхаристический канон); Церковь восклицает: "Яко благословися имя Твое, и прославися Царство Твое" (возглас на утрени) – не прославится в будущем, а уже прославилось. В полноте Царство Божие откроется в будущей жизни (1 Ин. 3, 2); но и здесь, на земле, оно *уже* есть (1 Ин. 2, 8), пусть в предначинании (1 Кор. 13, 12), пусть даже та мера, в которую его может вместить человек, и невелика. **Суть христианского подвига в этом случае заключается в том, чтобы с максимальной возможной для каждого человека полнотой раскрыть в себе это Царство, дать место в своём сердце Духу Святому. О том, какими способами это делать, мы сказали в начале главы; среди этих способов едва ли не главное – евангельская нравственность, но не аскетика.** Последняя нужна здесь, чтобы не допустить в свою жизнь ничего чуждого Царству (Откр. 21, 27), того, что разрушает его в нашей душе и в нашей жизни. Падшесть человеческой природы, ежечасно проявляемая в нас, внутренние и внешние соблазны, многоразличные приращения сатаны и греховного духа мира сего – против этого действует аскетика, и степень её действия может простираться даже до *распятия плоти со страстями и похотями* (Гал. 5, 24). Но при всей своей нужности аскетика сама по себе не даёт никакого положительного содержания, она не является созидательной. Аскетика всегда отрицательна, охранительна, оградительна, отсекательна. Созидательной является нравственная евангельская деятельность, ибо она, как мы сказали, синергична, и в силу этого приносит душе благодать Святого Духа.

Есть другая точка зрения. Она сводится к тому, что Царство Божие – дело исключительно будущего, сейчас его нет, и в условиях нашей падшести и быть не может. В чём же тогда заключается суть христианской жизни? В аскетическом подвиге, ибо аскетика по своей природе как раз и отрицает настоящее ради будущего. Эта точка зрения является главенствующей в современной церковной идеологии. Почему так? Вероятно потому, что внешняя аскетика гораздо легче евангельского нравственного делания. **Вполне можно не есть, не спать, целыми днями молиться, превратить свою жизнь в монастырь и при этом быть абсолютно безнравственным человеком, совершенно не понимающим, что такое Церковь.** Несравненно труднее – подвизаться нравственно. Наверное, многие из нас имели возможность столкнуться в своей жизни с проявлениями аскетики без нравственности и убедиться, насколько это уродливо и противоречит благовествованию Христову.

Вторая причина подмены нравственности внешней аскетикой – низкий уровень практической нравственности нашей современной церковной жизни. Можно привести массу примеров этого; ограничусь несколькими. Вот приходит человек на исповедь перед Причастием, и перечисляет батюшке грехи: не туда посмотрел, не то съел, с мамой ссорюсь, ругаюсь с близкими, телевизор много смотрю, и проч. Батюшка устало и несколько отстранённо кивает головой на каждый произносимый грех и повторяет автоматически: Господь простит. Перечисление закончено. Тут батюшка оживляется и начинает придирчиво расспрашивать исповедника, как он готовился к Причастию: вычитал ли три канона и последование ко Причащению, постился ли три дня, с рыбой или без, и плохо, что с рыбой, надо было без рыбы, а лучше и без масла; ходил ли эти дни в храм, был ли накануне на богослужении, и почему ушёл после помазания, нехорошо, это

леность, нужно понуждать себя; не ел ли ничего с утра, etc., etc... Но не спрашивает батюшка с тою же придирчивостью – а что стоит за словами исповедника "ссорюсь с мамой, ругаюсь с близкими". Случайна ли ссора, постоянна ли ругань, чем вызваны конфликты, предпринимались ли усилия быть мирным со всеми, и какие именно усилия – ничего этого не обсуждается. Отходит человек от исповеди – чему он научился? Что вычитать каноны для духовной жизни гораздо важнее, чем не ссориться с мамой. Так у нас воспитываются люди в Церкви – я думаю, описанная ситуация многим знакома.

Переходя от личного уровня к "соборному", видим, что собирательная реакция церковных людей на те или иные значимые события очень часто подтверждает озвучиваемый мною тезис об упадке нравственного сознания. События оцениваются отнюдь не с нравственной точки зрения и не с позиции евангельской правды: не даётся должной оценки злодеяниям и убийствам – например, в армии (случаи дедовщины: ну бывает, но мы не позволим либеральной прессе шельмовать нашу замечательную армию!), националистическим (нехорошо, конечно, убивать иностранных студентов – но можно понять наших русских парней, которых довели до этого гнусные инородцы!); перевирается история (коммунист маршал Жуков превращается в "подвижника благочестия", не расстающегося с Казанской иконой Божией Матери и обносящего ею фронты)... Пророк Исаия говорит по этому поводу: *горе тем, которые зло называют добром, и добро – злом, тьму почитают светом, и свет – тьмою, горькое почитают сладким, и сладкое – горьким!* (Ис. 5, 20.) Знакомясь с большей частью современной церковной аналитики, стыдишься и краснеешь за чудовищную нравственную аберрацию своих единоверцев, и чувствуешь, что это пророческое "горе" реально относится к нашей и церковной, и общественной жизни...

Наконец, внутрицерковные отношения – то, что непосредственно воспитывает людей – весьма далеки от христианского идеала. Грубость, корыстолюбие, безразличие к людям и другие отнюдь не евангельские качества нередки в нашей церковной жизни. Каждый год говорит об этом Святейший Патриарх на епархиальных собраниях города Москвы, но мало что меняется... Нельзя, конечно, сказать, что эти явления повсеместные; но они и далеко не единичны. В контексте нашей темы – так как всё это не в углу происходит (Деян. 26, 26), а видно и внешним, и воцерковляющимся людям, то оказывает своё крайне негативное воспитательное действие: практической нормой становится говорить и проповедовать одно, а жить совсем по-другому.

Я надеюсь, что читатель правильно меня поймёт. Не с осуждением, а с болью я пишу эти строки. Не потому низок нравственный уровень многих клириков и мирян, что они "плохие", какие-то особенно "испорченные", но потому, что при их церковном воспитании не обращалось должного внимания именно на евангельскую нравственность, она не стояла на первом месте. **И теперь, не быв воспитаны нравственно, восприняв, что правила и посты важнее, чем усилие евангельской жизни, мы транслируем это на следующее поколение воцерковляющихся христиан...**

Из сказанного ясно, каким должно быть воцерковление. **Обучая новоначальных навыкам душевного делания, трезвения, аскетическим приёмам борьбы с помыслами и со страстями, пастыри и катехизаторы не должны "застрывать" на внешних формах этих приёмов, делая из них бремена тяжёлые и неудобноносимые, и возлагая их на плечи людям** (Мф. 23, 4). **Необходимо идти к нравственному смыслу аскетики** и делать особый

акцент именно на **воспитании евангельской нравственности** (при этом, разумеется, церковные педагоги должны сами являть её в своей жизни, ибо дать другому можно только то, что имеешь сам). Это, пожалуй, самая главная задача в сегодняшней церковной жизни. Если "наладится" нравственное воспитание, если катехизация будет исходить из нравственных и духовных, а не каких-то иных (скажем, державнических, традиционных, идеологических и др.) приоритетов, то будут не только созидаться настоящие церковные общины, но и улучшится моральный климат во всём нашем обществе, ибо Церковь тогда станет настоящей закваской (Мф. 13, 33) для нашего народа. Пока же нравственность у нас не на первом месте, Церковь будет терять свой авторитет в глазах внешних, а православные (перефразируя напутствие одного митрополита новопостриженному иноку), **подвизаясь в аскетике и стремясь приобрести посредством неё ангельский облик, будут подвергаться риску утратить человеческий.**

VI

Как правило, первое, что слышит вошедший в Церковь человек – что ему необходим духовник. И действительно, духовник нужен; но зачем? Я уже имел возможность писать на эту тему, поэтому не буду входить в подробности; отмечу лишь несколько моментов, касающихся непосредственно проблемы воцерковления.

Апостол Павел пишет, что **чувства** христианина должны быть **навыком приучены к различению добра и зла** (Евр. 5, 14). Это не даётся человеку сразу, но приобретается со временем, опытом. Обучение этому навыку, заботливая поддержка новонаначального в его младенческом состоянии, предохранение от болезней роста, поставление на правильный путь духовного развития есть предмет духовного руководства. Область его действия – педагогическая, направленная, говоря обще, на воспитание совести. В нашей церковной повседневности принята иная, выходящая за рамки педагогики, точка зрения на духовничество. Она сводится к тому, что совесть наша – падшая, и доверять ей опасно; а нужно больше, чем своей совести, доверять духовнику, который, глядя со-вне, имеет большие возможности бесстрастно рассудить те или иные ситуации, чем сам отуманенный страстями человек. Ссылаются при этом на известные слова преп. аввы Дорофея: *"Нет несчастнее и ближе к погибели людей, не имеющих наставника в пути Божиим... Я не знаю другого падения монаху, кроме того, когда он верит своему сердцу. Некоторые говорят: от того падает человек, или от того; а я, как уже сказал, не знаю другого падения, кроме сего, когда человек последует самому себе. Нет ничего опаснее, нет ничего губительнее сего"* (преп. авва Дорофей. Поучение пятое "о том, чтобы не полагаться на свой разум"). Возникает вопрос: но ведь у духовника тоже совесть падшая, также, в свою очередь, и у его духовника... как быть? Здесь на помощь приходит традиция монашеского старчества: она распространяется на все духовнические отношения вообще (что является прямым следствием упомянутого нами выше превалирования монашеского идеала в Православии). Считается, что духовник, если мы оказываем ему безоговорочную веру и беспрекословное послушание, в силу своего формального положения прямо возвещает нам волю Божию.

А вот что говорит о доверии себе Священное Писание: ***Во всяком деле верь душе твоей: и это есть соблюдение заповедей. Верующий закону внимателен к заповедям, и надеющийся на Господа не потерпит вреда. Держись совета сердца твоего, ибо нет никого для тебя вернее его; душа человека иногда более скажет, нежели семь***

наблюдателей, сидящих на высоком месте для наблюдения. Но при всем этом молись Всевышнему, чтобы Он управил путь твой в истине. Сын мой! в продолжение жизни испытывай твою душу и наблюдай, что для нее вредно, и не давай ей того; ибо не все полезно для всех, и не всякая душа ко всему расположена (Сир. 22, 24-25; 37, 17-19, 30-31). Казалось бы, ясные слова Писания; казалось бы, надо адекватно воспринимать поучения аввы Дорофея – написаны они из уникальных, "эксклюзивных", как говорят теперь, условий жизни преподобного, в его окормлении у трёх великих святых; обращены эти поучения исключительно к монахам... и тем не менее, идеология мистифицированного духовничества является чуть ли не основой сегодняшней церковной жизни. Отчего же это происходит? Вот несколько причин.

1). В предыдущей главе мы говорили о подмене евангельской нравственности внешней аскетикой; один из примеров этого мы наблюдаем здесь. Воспитание совести требует нравственного подвига, постоянного труда над собою; это многим людям тяжело, сложно и неудобно. Гораздо удобнее: с одной стороны "послушание", с другой – "воля Божия"... и всё "просто". Пишет же авва Дорофей, что послушание и отсечение своего разума доставляло ему "беспечальность" (там же). И мы хотим той же беспечальности. Но, поскольку мы не аввы Дорофеи, а наши духовники – не преподобные Варсонофии Великие, то ни беспечальности, ни простоты у нас не получается, и евангельских плодов наше делание не приносит, а получается у нас хождение по кругу, обусловленное тем, что и духовники, и их чада стремятся не к нравственному плоду, но к соблюдению формы и традиции – так, увы, и те, и другие воспитаны.

2). Сюда же примешивается вещь, для Церкви внешняя, но существенно на церковную жизнь влияющая. Я имею в виду национальный менталитет. Одна из характеристических черт его – патернализм: решение наших проблем мы ожидаем не от собственных усилий, но "сверху", от доброго начальника (а если начальник злой – со "смирением" терпим это)[2]. Отсюда неизбежное деление общества на "властителей" и "холопьев". Всё это, в виде клерикализма, проникает и в церковную ограду и отражается на духовничестве. Вместо взаимоуважительных отношений старших и младших в Церкви церковная жизнь превращается в детский сад, где безнаказанные воспитатели назидают, ставят в угол, лишают игрушек etc... но не малых детей, а равных им во Христе людей. Печально, что, как правило, это не только не вызывает адекватной нравственной реакции, но считается даже чуть ли не нормой. Вот на исповеди юнец в рясе и с крестом, только что постриженный в монастыре или вышедший из семинарии, громогласно выговаривает пожилому человеку в три раза его старше (и обращаясь к нему, разумеется, на "ты"): нет, не допущу до Причастия, мало ли, что плохо себя чувствовал, а надо было три дня поститься, это всё отговорки, самооправдание, нужно подвизаться, "дай кровь и прими Дух"... и не только священник, не только прихожане, свидетели этой сцены, но и сам исповедник, годящийся батюшке в дедушки, воспринимают это вполне как должное, не видя и не чувствуя абсолютного нравственного уродства ситуации, – чего бы не было, если бы главной задачей духовничества осознавалось именно христианское воспитание совести, о котором мы сказали.

3). Наконец, пожалуй, самое важное. Критерий наличия в нашей жизни евангельской нравственности – отношение к людям. Устройство Церкви таково,

что проявляются и реализуются эти отношения прежде всего в христианской общине. Община есть, если можно так сказать, "пространство синергии", строящееся совместно Богом и человеком: со стороны Бога – *где двое или трое собраны во имя Моё, там Я посреди них* (Мф. 18, 20), со стороны нас – *служите друг другу, каждый тем даром, какой получил, как добрые домостроители многоразличной благодати Божией* (1 Петр. 4, 10). Община создается Евхаристией и трудом любви. Именно в общине христианин получает (вернее, *должен* получать) полноту социальных отношений. Воцерковляется человек в общине; подвиги евангельской жизни совершает прежде всего в отношении общины; совместная молитва, взаимная забота и помощь, примеры и образцы семейной и общественной жизни – всё это христианин обретает (*должен* обретать) в общине. Община есть Тело Христово, состоящее из людей, несущих каждый своё церковное служение (1 Кор. гл. 12). Пастырь – предстоятель общины; это служение важнейшее и высочайшее, но как должно оно может осуществляться тоже исключительно в контексте общины (вспомним, что в первенствующей Церкви даже исповедь совершалась перед общиной, священник же лишь разрешал от грехов). Но общин нет, и нет уже давно. Следствием этого является то, что всё богатство социальных общинных отношений сужается и замыкается на личные отношения священника и его "чада"; пастырь из предстоятеля превращается в единоличного "заменителя" общины. Таким образом, происходит незаконное расширение объёма пастырства, пастырь как бы "вбирает" в себя всё содержание общины, отчего покривляются многие важные вещи в Церкви. В результате на сегодня мы имеем некий замкнутый круг: гипертрофированное мистифицированное духовничество – потому что нет общин, потому что общинность подменяется исключительно пастырскими отношениями, в которых, как в более узких, не может реализоваться полнота церковной жизни; а общин нет, в том числе, и потому, что их созиданию препятствует сложившаяся и зацементированная и чуть ли не отождествляемая с сутью Православия патерналистская "духовническая идеология". Вообще этот вопрос – почему нет общин – нужно рассматривать отдельно; для нашей темы важно, что воцерковление происходит наиболее успешно и полно не в отношениях "чадо – духовник", но именно в условиях христианской общины; а коль скоро её нет, то и воцерковление неизбежно будет ущербным.

Но главная опасность неправильных духовнических отношений мне видится даже не в том, что на определённом этапе церковной жизни они мельчают и исчерпывают себя, отчего людям становится пусто в Церкви. Хуже всего то, что они религиозно дезориентируют человека. Дело в том, что первый и главный наш Учитель – Христос; Он великий Педагог (Мф. 23, 7-10). Он с великой любовью и заботливостью, бесконечно превышающей материнскую, учит, вразумляет, наставляет, предостерегает, поправляет каждого человека – через внутренние состояния, внешние ситуации, сцепление тех или иных обстоятельств и проч. **Быть внимательным к этому, научиться видеть в каждом событии своей жизни воспитывающую нас руку Божию – вот, собственно, цель церковного воспитания.** Если мы встретили настоящего духовника – то есть такого, кто знает и чувствует это и умеет этому научить – то нам повезло: в общении с таким пастырем человек успешнее и быстрее становится настоящим христианином. Если же духовник – последователь мистифицировано-аскетической духовнической идеологии, то новоначальный никогда не научится вниманию к Наставляющему нас на всякую истину Святому Духу (Ин. 16, 13), потому что всем ходом его воцерковления ему внушается, что Бог действует только так, как решил духовник. Бог подменяется духовничеством – и

христианская жизнь превращается в жалкую и недостойную игру произнесения святоотеческих словес, псевдопослушания и лжесмирения. Доводя вопрос до остроты, скажу, что лучше вовсе не иметь духовника, чем иметь плохого, а руководствоваться Священным Писанием, изучением догматического и нравственного учения Церкви, общением христиан, аккуратным чтением св. Отцов, а главное – адекватностью, трезвостью и евангельским воспитанием совести, восполняя недостаток общинности максимально возможным с нашей стороны добрым отношениям к людям.

Но, скажут мне, как же тогда воцерковлять людей? Ведь приходит человек в Церковь с совершенно мирским духом, со спутанными понятиями, с грубыми страстями – и говорить ему о свободе, о том, что роль духовника мала, что без него можно обойтись? Новоначальный не может сразу понять, что есть христианская свобода, он подменит её мирской вседозволенностью – и выйдет вред для Церкви, да и само воцерковление этого человека, без привития необходимой дисциплины, будет под большим вопросом. Верить своему сердцу, не очищенному от страстей – гибельно... и этому предлагается учить? – Опасение основательное. Действительно, в начале церковной жизни необходима и опека, и определённая строгость, и конечно, над воцерковлением каждого человека нужно "возиться", это прямой пастырский долг. Но при этом необходимо, на мой взгляд, с самого начала задать правильный "вектор". Верить страстям и грехам, разумеется, нельзя; но непременно нужно верить Христу, говорящему нам в совести. Научить отличать голос страстей от чистого голоса совести – единственная, по существу, задача духовничества, и об этом нужно сразу сказать, чтобы духовнические отношения не "застряли", не подменили собой всё богатство церковной жизни, но помогали христианину стать полноценным, зрелым и ответственным членом Церкви, умеющим самостоятельно внимать Богу, себе и людям.

VII

Одной из важных задач воцерковления является введение новоначального христианина в русло церковного Предания. Священное Предание есть опыт жизни в Церкви Святого Духа, опыт – как личный, так и исторический – Его стяжания. Только в контексте Предания можно правильно понимать Священное Писание и весь порядок и строй церковной жизни. Но учат ли наших неофитов настоящему, подлинному Священному Преданию? Казалось бы, пастыри и катехизаторы только этим и занимаются, порой превознося Предание даже выше Священного Писания; однако, судя по сегодняшней церковной жизни, это научение оставляет желать много лучшего. В результате нашего приходского воцерковления человек не приобретает здоровые и точные понятия о догматическом и нравственном учении христианства, об истории Церкви, её каноническом и литургическом устройстве, но попадает в необыкновенный, виртуальный, "параллельный", сказочный мир. В нём Божия Мать плывёт по морю и оказывается на Афоне, с вершины которого вследствие этого низвергается статуя Аполлона; апостол Андрей забирается в днепровские леса, где водружает крест и благословляет будущую Святую Русь, затем идёт в ещё более густые леса в Новгород, с удивлением наблюдая банные обычаи тамошних жителей, а потом оказывается и на Валааме; апостол Лука занят тем, что одну за другой пишет (на досках от стола, за которым трапезовало Святое Семейство) иконы Пресвятой Богородицы – Владимирскую, Тихвинскую, Смоленскую и др., общим числом около 70-ти; в темнице, в которой заключён мученик и архиерей

Евпл, начинает бить источник воды, утоляющей не только жажду, но и голод; свт. Николай Чудотворец заушает еретика Ария, за что подвергается наказанию от отцов I Вселенского собора, но повелением Господа и Божией Матери возвращается в своё святительское достоинство; преп. Алексей, человек Божий, подвизается посредством лицезрения горя своей супруги и родителей; преп. Сергей Радонежский кричит во время Литургии, будучи во утробе матери, а по рождении не вкушает материнского молока в среду и пяток; преп. Серафим Саровский кормит медведя... и т.д., и т.п. Об этом, и ещё о миллионе таких же вещей, говорят как о сущностном проявлении Православия; тысячи страниц сотен церковных книг наполнены подобными историями; их используют большинство проповедей и церковных поучений... и всё это подаётся воцерковляющемуся христианину как подлинное Предание, усомниться в котором – безусловный и тяжёлый грех.

Я уже слышу, как мне возражают: нам ли судить о Святых? Мы не можем понять их поступков нашим падшим умом, а отрицать чудеса – значит хулить действовавшего через них Святого Духа... и проч. Но вот вопрос: всё вышеперечисленное – действительно ли действие Святого Духа в Святых Божиих? Я специально назвал только те истории, о которых доподлинно известно, что они подвергнуты обоснованной научной критике (сказание о прибытии Божией Матери на Афон относится к XVI веку, информация о посещении ап. Андреем киевских гор – к X-му, об иконописной деятельности ап. Луки известно не раньше IV-го, и т.д.); а сколько всего в церковной письменности **негодных и бабьих басен** (1 Тим. 4, 7), навязывающихся православным в качестве Священного Предания! "Российский Златоуст", митрополит Московский Платон (Левшин), писал: *"в повестях церковных зело много басней, небылиц и безместностей... следовало бы повести (эти) не иначе принять, как когда они согласны со Словом Божиим и служат тому объяснением"* (цит. по: Вл. Соловьёв. ПСС, т. V, стр. 480. СПб, 1911-1914). Вл. Соловьёв говорил, что в истории мира есть события таинственные, но нет бессмысленных; точно также и действия Святых могут быть высоки и непонятны, но они не могут противоречить смыслу христианства.

Рассмотрим в качестве иллюстрации сказанного очень популярное и любимое на Руси житие преп. Алексея, человека Божия (Четьи-Минеи, 17 марта). Алексей был сыном богатых и знатных римских граждан, которые, по достижении им совершеннолетия, нашли ему достойную благородную невесту. В ночь после свадьбы он вручил супруге своё обручальное кольцо и исчез из дому, приняв на себя подвиг нищеты. С великою скорбью, не жалея средств, родители и жена всюду разыскивали его; через много лет, никем не признанный, Алексей вернулся в Рим и стал жить под видом нищего в родительском доме. Ежедневно созерцал он страдания сохранившей ему верность и ждущей его супруги и убивающихся о потере сына родителей. Лишь после смерти преподобного выяснилось, кем он был на самом деле.

Надо сказать, что житие, особенно в переработке свт. Димитрия Ростовского, написано мастерски: действительно, переживаешь всю эту историю, удивляешься своеобразию поступков преп. Алексея, жалеешь его отца, мать, жену... Но давайте отстранимся от авторитета церковной книги с названием "Жития Святых", и спросим себя: какое христианство явил на страницах этого жития преп. Алексей? Очень своеобразное: его подвиг основывался на жизненной драме и великом горе близких ему людей. Конечно,

такое мнение по отношению к святому едва ли не кощунственно... но, к счастью, оно и не может быть отнесено к нему. Настоящий преподобный Алексей таким не был – всё сказанное относится к литературному герою с его именем. На самом деле всё было проще. В те времена детей не спрашивали, хотят ли они жениться или нет: родители подбирали нужную с их точки зрения партию – и дети вступали в брак. Преп. Алексей, судя по всему, в брак по религиозным соображениям вступать не хотел; не мог он и конфликтовать с родителями, и поэтому ему оставался единственный выход из ситуации – бежать из дому. Это он и сделал. Невесту свою он никогда не видел, домой никогда не возвращался, подвизаясь в молитве и нищете при одном из храмов Эдессы; там и отошёл ко Господу, а в Рим вернулся только мощами, но вовсе не при жизни (Православная энциклопедия, т. 2, стр. 8). И – сразу всё встаёт на свои места. В совершенстве исполнив заповедь Христову: **всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную** (Мф. 19, 29), – преподобный при этом ни связал с собою несостоявшимся браком свою невесту, ни истязал себя страданиями своих родителей. Лишь через 400 лет его житие расцвело подробностями, над которыми умилялись поколения читателей, но которые – (говоря прямо) неправда, извращающая смысл христианского подвига, отягчаемая вдобавок тем, что выдаётся она церковной литературой за руководящее Святых действие Божие.

Опять слышу возражения: жития святых – это особый церковный жанр, некая икона, в таких приукрашениях нет ничего страшного... Не так смотрит на дело Священное Писание, говорящее: **вымыслы человеческие ненавижу, а закон Твой люблю** (Пс. 118, 113). Человеческие вымыслы – в духовной жизни вещь не безопасная. Для людей церковно образованных, знающих подлинные факты жизни того или иного святого, того или иного церковного события, действительно, ничего страшного нет; но для только воцерковляющегося христианина налицо существенная опасность – принять неверное представление о христианстве, о Церкви, о действии Божиим и о человеческой с этим действием синергии, и вследствие этого не обрести путь спасения, ибо он не только узкий и тесный (Мф. 7, 14), но, как сказал Господь, и найти его не просто: **сказываю вам, многие поищут войти, и не возмогут** (Лк. 13, 24).

Сравнения с иконой приукрашенное жизнеописание никак не выдерживает. Церковь очень точно определила, что есть икона; она не присочиняет ничего к тому первообразу, который на ней изображён, не расцвечивает его. Икона особыми выразительными средствами являет его в свете небесного, вечного бытия (поэтому с церковной точки зрения грубейшей ошибкой является изображение, например, блаж. Матроны с сомкнутыми очами или согбенного преп. Серафима Саровского; продолжая эту логику, нужно и сщмч. Вениамина Петроградского или свт. Луку Крымского изображать в очках). Приукрашенные жития святых – совершенно иное дело; задача житий – не показывать небесное состояние угодников Божиих, но во всей полноте исторического, социального, культурного контекста давать верное представление о христианском подвиге их жизни, для нашего назидания. Церковное назидание – не просто дидактика или морализаторство, оно имеет чрезвычайно важное жизненное воспитательное значение. Его смысл вовсе не в том, чтобы нарисовать волшебную или лубочную картинку, но в том, что мы смотрим – как тот или иной Святой евангельски решал ситуацию своей жизни в тех условиях, в тех обстоятельствах, в которых он находился, и извлекаем из этого урок для себя. Здесь нужна

точность. А если точностью пренебречь, контекст убрать, ситуацию приукрасить или из ложного благочестия скрыть те или иные факты, то реальная жизнь Святого превратится в сказку. Сказка же, пусть она сколько угодно хороша, гладка, правильна и благочестива, назидать не может, но уводит от реальности.

Для дела воцерковления особенно **важен принцип**, который я уже упоминал: **в Церкви необходимо должна быть правда**. Не только потому, что всякая ложь – пусть вкравшаяся случайно, под самыми благочестивыми видами, пусть внесённая в виде умолчания, пусть даже её появление было необходимо для сохранения внешней жизни Церкви – оскорбляет и попирает Духа Истины, Которым Церковь живёт, ибо любая ложь несовместима с Ним; но и потому, что только правда способна вразумить, научить и воспитать. Евангелие Христово вводит нас в самую что ни на есть реальность, о которой Ф.М.Достоевский сказал так: диавол с Богом борется, и место борьбы – сердце человека. Подлинная духовная жизнь строга, сурова, напряжённа – но и прекрасна, хотя бы потому, что она – правда. Евангелие в каком-то смысле довольно "сухо"; но не следует думать, что эта сухость нуждается в "расцветке", что она безрадостна, мрачна и уныла. Напротив, в жизни по Евангелию, воздержной, трезвенной и адекватной, обретается Христос, Который подаёт подвизающемуся Его ради человеку в духовной борьбе с тьмою – свет и силу, в скорбях – радость, в обстоятельствах – терпение, в болезнях – утешение, в ровном течении жизни – смысл, крепость и бодрость... Задача церковного воспитания и есть – научить человека Евангельской жизни. А воспитание на сказках приводит к тому, что рано или поздно иллюзии кончаются, и в существование человека, хочет он того или нет, вторгается реальность – порой катастрофически, безумно трагичная... и человек оказывается неготовым к ней, безоружным, в растерянности, без навыков подлинной духовной жизни, без помощи, ибо **помощь** человеку – только **от Господа, сотворившего небо и землю** (Пс. 120, 2), только Господь – **защита во время скорби** (Пс. 36, 39). Кризис личной церковной жизни для людей, с которыми он случается, делается порой безвыходным именно потому, что человек на собственном опыте убеждается, что сказки не помогают, не дают они душе Бога... и тогда, как мы уже отмечали выше, наступает разочарование в Церкви, которая – в лице пастырей, катехизаторов и вообще идеологического содержания современной приходской жизни – не научила навыкам адекватной духовной жизни, не предложила человеку Христову реальность, но подменила живой союз со Христом красивыми, привлекательными, но ложными и нежизненными мифологемами^[3].

И тут опять, в который раз, мы упираемся в тех, *кто* воцерковляет. Дело в том, что в нашем сознании мифы и сказки стали равным самому Православию. Рассуждая об обрядовости, мы говорили, что – измени наш обряд, и мы уже с большим трудом сможем идентифицировать себя в качестве православных. То же и тут^[4]: разбери каждый миф, дойди до правды – и из-под наших ног выбьется всякая почва... ибо по большей части православные мы не потому, что **знаем, что мы от Бога**, живём во Христе, с нами Святой Дух, и мы великим опытом Православной Церкви обучены жить Им в этом **мире, который лежит во зле** (1 Ин. 5, 19), но потому, что у нас четыре удела Божией Матери, в последнем из которых Антихрист канавку не перескочит, и по иным сходным причинам. Очевидно, что воцерковление должно быть решительно избавлено от басен (2 Тим. 4, 4); но как это сделать? Не знаю. Я лишь озвучиваю большую, исторически сложившуюся проблему, заключающуюся в том, что для многих людей, в том числе и пастырей, православие – набор таких басен. Но избавляться от них, давать им истинную церковную

оценку необходимо, ибо если церковное воспитание имеет своим результатом не приобщение Источнику Жизни – Христу, не овладение опытом этого приобщения, которое составляет Священное Предание, а подмену Христа сказочностью, лубочностью и нелепостями, то оно бесполезно и вредно, и все наши усилия, затрачиваемые на воцерковление людей, по меньшей мере, пропадают втуне.

VIII

Все отмеченные выше проблемы, препятствующие правильному воцерковлению и нормальной церковной жизни – магизм, национализм, обрядоверие, нравственная аберрация, отсутствие общин, ложное духовничество, лубочность и проч. – имеют одну общую причину, которую я бы определил как некий конфликт между евангельскими и церковными ценностями. Я понимаю, что такое противопоставление необычно, рискованно и даже, в известной мере, соблазнительно. Тем не менее, предлагаю его на рассмотрение читателей в

уверенности, что, при некоторой провокативности, оно многое объясняет.

Под евангельскими ценностями я понимаю следующее. Есть Ценность, которой оживляется и одухотворяется любое земное существование. Это – единственная Ценность, способная изменить жизнь человека, дать ей смысл и удовлетворение. Мало того, это вообще единственная Ценность в мире. Это Бог, воплотившийся ради нашего спасения. Всё, что вне Христа, вообще не может называться ценностью. На земле ценно то, и только то, что непосредственно или опосредованно восходит ко Христу Спасителю. Всё на свете поверяется этою Ценностью; ею и ради неё живёт мир. Приобщаемся мы Христу на путях евангельской жизни, исполняя святые Его заповеди – в том числе заповедь о крещении, покаянии, причащении Его Тела и Крови. Реализация этих заповедей, вместе с опытом нравственной евангельской жизни и правым догматическим учением, составляет суть Церкви. Евангельские ценности не могут не привлекать людей. Облик Христа, Его дела, Его слова неотразимо действуют на человеческую душу, а люди и общественные и культурные явления, через которые выявляется Христос, не могут не покорять сердца.

А есть ценности церковные. Церковь – явление двусоставное, одновременно небесное и земное. Своей внешней "половиной" она живёт в данном историческом, культурном, общественном и проч. контексте, и так или иначе этим контекстом определяется. Из этого контекста вытекают и некоторые важные для Церкви вещи – то, что я называю "церковными ценностями": это ценности идеологии, самоидентификации, авторитета, корпорации, внешнего положения, благолепия, обеспеченности и т.п. Они имеют полное право на существование, но только под необходимым и неперенным условием – что через них в той или иной конкретной социальной ситуации реализуются ценности евангельские. Совершенно очевидно, что евангельские ценности первичны, ибо они **суть Дух и жизнь** (Ин. 6, 63), а церковные вторичны; ценность в них наличествует только тогда, когда через них выявляется евангельское содержание. Малейшее забвение этого, выставление церковности самой по себе на первое место, на место не слуги Евангелия Христова, а чего-то самостоятельно ценного, приводит к тому, что из внешних церковных ценностей уходит дух и жизнь; а так как происходят эти ценности из взаимодействия с падшим миром, то, не будучи постоянно поддерживаемы и контролируемы Евангелием,

они проникаются чуждыми ему стихиями и начинают служить не Христу, а себе, и в итоге – миру сему и его князю (Ин. 14, 30). Церковные ценности сами по себе если и могут на первых порах привлечь, то не могут удержать, напитать и поддержать, потому что, неодоушевляемые Евангелием, они оказываются для души столь же утомительными, как и любое явление падшей земной действительности.

Для пояснения того, что всё вышесказанное значит на практике, рассмотрим, как те или иные понятия меняются в зависимости от того, в евангельском или внешнецерковном контексте они стоят. Возьмём пост. С позиции евангельских ценностей человек заботится больше не о том, что входит в уста, но о том, что из них, из сердца исходит (Мф. 15, 17-20). С позиции ценностей внешнецерковных – человек придирчиво изучает этикетку на печенье, чтобы случайно не оскоромиться сухим молоком или яичным порошком в муке, из которой оно выпечено. Смирение. С точки зрения Евангелия – это, по словам прот. Александра Шмемана, *"царская и царственная добродетель, ибо подлинное смирение – именно от мудрости, от знания, от прикосновения к "жизни переизбыточествующей"*" (Дневники, стр. 496). В *"церковном стиле – пришибленность плюс ханжество"* (там же), слепое подчинение, запрещение себе (и другим) нравственной адекватной оценки происходящего. Для Евангелия на первом месте душевная польза человека (Мк. 8, 36-37); для внешней церковности административная (а то и коммерческая) целесообразность может откровенно попирает эту пользу. В рамках евангельских ценностей невозможны жестокость, превозношение, чёрствость, снобизм (то есть: если они наличествуют – для всех совершенно очевидно, что их носитель от Евангелия весьма далёк); в рамках церковности эти качества могут цвести пышным цветом (и никому не придёт в голову считать их обладателя вне Церкви). Евангелие требует от человека правды, свободы, равного отношения ко всем, уважения к личности, нестяжательности; церковность нередко демонстрирует *urbi et orbi* клерикализм, неуважение к людям, агрессивность, обскурантизм, недоверие к свободе, неприятие правды, сребролюбие. Для Евангелия ненависть к человеку в любом виде – тяжкий и безусловный грех; церковность вполне может призывать гнушаться врагами Божьими и ненавидеть врагов отечества^[5]. Евангелие вносит во

все социальные отношения рассудительное благородство неотмирности; приверженцы церковных ценностей позволяют себе навязываться всюду, выходя при этом за рамки компетенции Церкви и нередко выставляя её в неловком виде. Внешней церковности необходимо количество (поэтому у нас 80% населения – "православные"); Евангелие знает, что оно – всегда *малое стадо* (Лк. 12, 32), и не гоняется за количеством, но больше обращает внимание на качество, и смотрит на суть, а не на название. И так далее, список каждый может продолжить самостоятельно.

Но, скажут мне, разве можно так резко разграничивать Евангелие и Церковь? Ведь это явный протестантизм, а у нас же – православная традиция, Отцы... Во-первых, хочу подчеркнуть, что под критикуемой выше "церковностью" подразумевается, конечно, не сама Христова Православная Церковь, а то, что мы, кому она вверена, православные христиане, из неё подчас делаем. Во-вторых, речь не идёт об ущемлении Предания или отказе от Отцов. Мы говорим лишь о правильной расстановке акцентов, об иерархии христианских ценностей. Церковная традиция – органическая часть именно евангельской жизни, она не может существовать сама по себе. Если правильно проповедовать

Евангелие, да вдобавок осуществлять его и в жизни, то оно естественно поведёт за собою церковность, наполнит её смыслом, раскроет для человека все богатства Православия. Отцы и традиция не противоречат Евангелию, а являют его. А если наша православная действительность Евангелия пугается, отодвигает его на второй план – значит, это не настоящее Православие, а подмена, имеющая, между прочим, и к Отцам, и к подлинной духовной традиции малое отношение.

К сожалению, эта подмена, на мой взгляд – основное содержание сегодняшнего воцерковления. Стремление современных воцерковителей направлено на проповедь Церкви (как они её понимают), а не Христа, на привитие людям прежде всего церковных, а не евангельских ценностей. Может быть, так можно было воцерковлять раньше; но теперь, когда наше время характеризуется разрушением традиций (семейных, общественно-нравственных и др.), в рамках которых Евангелие было укоренено и усваивалось органично, как раз необходимо строить воцерковление именно на основе ценностей евангельских, чтобы созидать на камне, а не на песке (Мф. 7, 24-27). Но возможно ли это для нас? Является ли Евангелие основой нашей, каждого православного христианина, жизни? Не настроены ли мы ложно понятой нами традицией так, что при вызовах времени, при "проверке на прочность" мы спешим отдать предпочтение не Евангелию, а внешней церковности – "иначе под угрозой Православие!"? Но в результате – не получаем ли мы православия без Христа? Не об этом ли начинают говорить итоги пятнадцатилетней свободной жизни Церкви в нашем отечестве? Ведь на самом деле Церковь не надо проповедовать, оборонять, навязывать. Церковью надо *быть*, её надо показывать, являть своею жизнью. И тогда не нужны будут призывы в Церковь, ибо она сама в себе имеет неотразимую убедительность, и люди сами захотят войти в неё, придти из тьмы века сего в свет Христов. Но это возможно только, если наша церковная действительность будет иметь в себе этот свет, будет средоточием именно евангельской жизни...

Я уверен, что если хотя бы начать задумываться об этом, то это уже предостережёт нас от многих ошибок в деле церковного воспитания.

Заключение

Летом 2006 года мне довелось читать доклад на темы, озвученные в данной работе, перед представительной молодёжной аудиторией, собранной из многих епархий Русской Церкви. По окончании лекции мне были заданы вопросы, сводящиеся к двум основным. Большая часть слушателей, очевидно обескураженная концентрацией критики, в некотором недоумении спрашивала: что же, неужели вы не видите в нашей церковной жизни ничего хорошего? Меньшая часть соглашалась с моими соображениями, но говорила, что из создавшегося положения нет выхода, что всё, предложенное мною – утопия. Подозревая, что не только у слушавшей меня молодёжи, но и у читателей возникла та же реакция на прочитанное, постараюсь ответить на эти два вопроса.

1. "Неужели всё так плохо, неужели нет ничего хорошего в Церкви?" Есть. В Церкви "хорошее" – это Господь Иисус Христос и люди, которые стремятся к Нему. Этого больше чем достаточно, это с лихвою покрывает неизбежные в условиях падшего земного существования недостатки и немощи церковного организма. А всё остальное не так и важно. Критика же моя направлена только на одну вещь – на наличествующие в нашей

сегодняшней церковной жизни препятствия людям приходиться ко Христу. Но не только с этой метафизической, но и с исторической точки зрения мы живём в благоприятное для Церкви и очень интересное время. Кончилась 1700-летняя эпоха "симфонии", Церковь впервые за это время стала свободна. Да, для нас эта свобода совершенно непривычна и потому даже, может быть, нежеланна; историческая инерция тянет нас назад, и её очень непросто преодолеть. Нелегко даже увидеть ситуацию, потому что происходит она ровно в наше время, мы – "материал", так сказать, исторического перелома; людям всегда тяжело в такие моменты истории. По Священному Писанию, должно пройти не менее 40 лет хождения по пустыне, нужно смениться несколькими поколениями, чтобы выйти из страны рабства, чтобы Церковь перестала ностальгически жаждать ушедшей жизни, а стала, как всегда она это делала, творчески преобразовывать её, адекватно реализовывая себя в своей эпохе, евангельски отвечая на вызовы и требования времени. Конечно, это очень трудно нам, сформировавшимся в этнографическом, "симфоническом" православии. Но **невозможное человекам возможно Богу** (Лк. 18, 27). Церковь – организм Богочеловеческий, не всё, к счастью, в ней определяет немощь, косность и ограниченность людей; Церковь живёт Духом Святым, Глава её – Христос, и в условиях свободы Церковь со своими проблемами непременно справится. Но – только если мы сами эту свободу не променяем на чечевичную похлёбку (Быт. 15, 29-34) "идеологического обеспечения державности" и на котлы с мясом (Исх. 16, 3) внешнего благополучия. Наше дело – хотя бы не мешать Богу. Если же будем упорствовать и мешать, то есть – не наполнять жизнь Евангелием, навязывать Церкви то, чем она не должна быть, подменять её стихиями мира сего, – то Господь сдвинет светильник Русской Церкви (Откр. 2, 5) и отдаст виноградник другим (Мф. 21, 41), как не раз это уже бывало в истории. Христовой Церкви от этого хуже не будет. Нам – будет, Россия тогда погибнет... но без Христа какой в ней и смысл?

2. Но что нам делать, чтобы воспользоваться нашей свободой во благо Церкви? Прежде всего, разумеется, ни в коем случае не нужно устраивать никаких революций и реформаций. Это ни к чему хорошему не приведёт. Отринув церковную традицию, какая она есть (пусть ей и присущи некоторые несовершенства), мы неизбежно окажемся на пустом месте, и плодом таких реформаций, как показывает опыт, будет лишь разрушающее единство церковного тела враждебное противостояние сторонников тех или иных взглядов на пути развития церковной жизни. Заняться нам нужно тем, чему, собственно, и служит воцерковление, а именно: *встретить Христа*. Вот к этому каждый христианин пусть приложит всё своё старание. Если эта встреча состоялась – то человек всё, что есть в церковной действительности, с пользой применит к себе, с лёгкостью претерпит все её недостатки, из всего извлечёт назидание. Если же встречи со Христом не произошло – то всеу всё, и самый реформированный, разумный, логичный, устроенный церковный быт не имеет ни малейшего значения.

Но и тем, кто встретил Господа, и тем, кто ещё только ищет этого, необходимо одно важное качество – честность перед самим собою. Она побуждает человека делать то, что каждый из нас может – думать и осмысливать жизнь, как церковную, так и общественную, с точки зрения Евангелия. Это осмысление обязательно даст и свои практические плоды. Если каждый из нас употребит все силы на то, чтобы искать Христа, наполнять свою жизнь светом (и смыслом) Христовым и быть честным перед Ним и перед собою, то постепенно, незаметно будет умножаться число настоящих христиан. Рано или поздно это количество здравомыслящих и подлинно церковных людей наберёт некую "критическую

массу". И тогда ситуация в Церкви поменяется сама; и перемены эти будут внутренние, созидательные, ничего не рушащие; а при необходимости изменений совершающие их естественно, органично и безболезненно. Приведу пример. В советское время в храмах Москвы на Пасху не причащали. Прошло 15 лет свободы, сознание многих верующих под влиянием осмысления своей веры стало более церковным, более евхаристичным – и теперь уже мало какой священнослужитель осмелится не вынести Чашу на Пасхальной литургии (вне Москвы, к сожалению, по большей части всё пока остаётся по-старому). Так и во всём: будет происходить евангельское осмысление тех или иных явлений церковной жизни – и от этого они будут меняться, чтобы полнее являть в себе просвещающий всех Свет Христов. Станет меняться внутрицерковная жизнь – станет меняться и общество.

Утопия? Посмотрим. Всё сейчас в наших руках. Господь вручил нашу Церковь нам, под нашу ответственность. В осознании этого каждым православным христианином, в распространении этого осознания на всё тело Церкви – ключ к решению тех проблем, о которых шла речь в предложенной вашему вниманию работе.

[1] Имеется в виду нравственно-назидательное руководство Св. Писанием. В области же догматически-богословской толкование Писания в духе Церкви, св. отцов, необходимо (и единственно возможно).

[2] Многие светские исследователи и писатели полагают, что такая социальная пассивность – глубинное свойство Православия, в отличие от "активного" Протестантизма. Не уверен, что это именно прямое религиозное следствие православного христианства; скорее наоборот – само русское Православие приобрело названное качество национального характера.

[3] Из этого вовсе не следует, что я отрицаю чудеса. Главное чудо, настоящая, великая тайна – это отношения Бога и души, любовь Христова к человеку, Его забота, Его вразумление, Его руководство каждым из нас. Ради этого, чтобы привести к этому человека, дать ему некий первоначальный импульс веры (либо поддержать её), и совершаются (и будут совершаться в Церкви всегда) внешние чудеса; но они, при всей своей многочисленности и "эффектности", никогда не должны подменять и заслонять собою того главного смысла, ради которого они даются Богом; тем более нельзя приукрашивать или придумывать их.

[4] Только ещё серьезнее: если без обряда церковная жизнь невозможна, ибо в христианстве духовное выявляется в телесном, в материальном, и тот или иной обряд всё равно должен быть, – то мифы решительно противоречат самой природе Церкви, *ищущей прежде всего Царства Божия и правды Его* (Мф. 6, 33).

[5] "Что же, скажешь, неужели не должно ненавидеть даже врагов и язычников? Должно ненавидеть, но не их, а учение их, не человека, а порочную деятельность и развращённую волю. Человек – дело Божие, а заблуждение – дело диавола" (свт Иоанн Златоуст. Творения, т. 12, стр. 483. СПб, 1906).